

что дѣлаль бы человѣкъ, которому черезъ взмученную воду надо-бы увидать дно, для того, чтобы достать драгоцѣнную жемчужину, и который-бы, не желая войти въ воду, сознательно взбалтывалъ бы ее, какъ скоро она начинала-бы отставаться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоять человѣкъ одурманивающійся неподвижно на томъ-же разъ усвоенномъ, неистомъ, противорѣчивомъ міросозерцаніи, учираясь при вскокъ наступающемъ періодѣ просвѣтленія все въ ту же стѣну, рѣ которую онъ учирался 10—20 лѣтъ тому назадъ и которую нечѣмъ пробить, потому, что онъ сознательно приготупляетъ то острѣ мысли, которое одно могло-бы пробить ее.

И, если это такъ, то какъ должны быть ужасны послѣдствія этого! Въ самомъ дѣлѣ — подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не съ прямымъ правиломъ, по которому они выравнивали-бы стѣны, не съ прямоугольнымъ угольникомъ, которымъ бы они опредѣляли углы, а съ мягкимъ правиломъ, которое сгибалось бы по всѣмъ неровностямъ стѣнъ, и съ угольникомъ, складывающимся и приходящимся къ каждому — и острому и тупому — углу.

А вѣдь благодаря одурманиванію себя, это самое дѣлается въ жизни. Жизнь не приходится по совѣсти, — сорѣсть сгибается по жизни. И наступаетъ нравственная смерть, т. е. такое состояніе, въ которомъ человѣкъ перестаетъ сознавать свое человѣческое достоинство и вытекающую изъ него обязанности.

Это-то, ничего не имѣющее, повидимому, особеннаго, но въ сущности отчаянное положеніе, ког-